

РУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Russian Folk Culture in the Mirror of Word Formation

Алексей Васильевич Никитевич

anikit@inbox.ru

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)*

Aliaksei Nikitsevich

anikit@inbox.ru

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.11.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española nº 13 (2017), 29 - 42

ABSTRACT

The article examines the cognitively significant, culturally and historically noteworthy derived words representing Russian dialects. The vocabulary of Russian dialectal word formation is viewed in the aspect of studying the patterns of organization of its complex units – various fragments of lexical word-building nests. The analysis of such derived dialectal words as facts reflecting Russian material and spiritual culture can present highly valuable and, in many respects, theoretically and practically important material for characterizing the derivational potential of the Russian language as a system, on the whole.

Special attention should be paid to words possessing cognitively significant semantics representing meanings but having no one-word expression in the system of the Russian literary language. In the author's opinion, it is appropriate to view such words not discretely but in the structure of various fragments of lexical word-building nests. The latter can consist entirely of dialectal words or present a synthesized type of nest fragments in which the words of the Russian literary language and the dialectal units are viewed together within a group of related words.

Keywords: dialectal word formation, fragments of nests, cognitive lacunas

РЕЗЮМЕ

В статье охарактеризованы когнитивно значимые и заслуживающие внимания в культурно-историческом плане производные слова, представляющие русские народные говоры. Лексика русского диалектного словообразования рассматривается в аспекте исследования закономерностей организации его комплексных единиц – различных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд. Привлечение к анализу подобных производных диалектных слов, которые интересны как факты отражения русской материальной и духовной культуры, может представлять чрезвычайно ценный и во многих отношениях теоретически и практически значимый материал для характеристики деривационного потенциала русского языка как системы в целом.

Особого внимания заслуживают слова с когнитивно значимой семантикой, представляющие значения, отсутствующие в виде отдельного слова в системе русского литературного языка. Целесообразно, по мысли автора, рассматривать подобные слова не изолированно, а в составе различных фрагментов лексико-словообразовательных гнезд. Последние могут состоять как целиком из диалектных слов, так и представлять собой фрагменты гнезд синтезированного типа, в которых слова русского литературного языка и диалектные единицы рассматриваются в составе единой группы родственных слов.

Ключевые слова: диалектное словообразование, фрагменты гнезд, когнитивные лакуны.

Известно, что язык отражает представления человека о мире, в частности, «словообразовательно маркируется, как правило, то, что вовлекается в сферу познавательной и практической деятельности человека, что является для него жизненно важным» (Вендина 1998: 70). К средствам собственно языковой техники, с помощью которой осуществляется подобная детализация, в первую очередь, относится словообразование, которое представляет собой строгую, во многом упорядоченную систему словообразовательных значений, являющихся своеобразным «прочтением» окружающего мира носителем русской языковой культуры. По мнению Ю.Д.Апресяна, «реконструкция наивной модели мира на основе полного описания лексических и грамматических значений рассматривается как сверхзадача семантики и лексикографии, имеющая ценность сама по себе» (Апресян 1986: 6). Поэтому не следует забывать, что есть такие производные слова, которые сами по себе (в изолированном виде) либо в совокупности целой группы родственных единиц могут представлять чрезвычайно интересный и во многих отношениях теоретически и практически значимый материал для оценки деривационного потенциала русского языка как системы в целом. С другой стороны, знание русской материальной и духовной культуры, русского языка вольно или невольно заставляет сравнивать сопоставимые по тем или иным параметрам языковые факты, обнаруживать интересные несоответствия и обращать внимание на то, что обычно характеризуется как межъязыковая либо межсистемная лакунарность (Никитевич 2014). В этой связи заслуживают внимания слова И.Г.Милославского о необходимости обсуждения вопросов, находящихся «в точке пересечения проблемы лакун, или «дефицита слов», и тех возможностей, которые открывают словообразовательные отношения, рассмотренные как семантическое усложнение в рамках продуктивных речевых действий» (Милославский 2010: 176).

Лакунарность может обнаруживаться на самых различных ступенях производности, касаться самых разных «точек» пространства деривационного гнезда. При многообразии некоторой группы родственных слов в литературном языке в русских народных говорах обнаруживаются слова, представляющие «позиции», семантически отсутствующие в хорошо известной обычному пользователю системе русского литературного языка. Поэтому достаточно привлекательным и современным выглядит направление исследований, при котором анализируют отдельные исторические гнезда, на равных основаниях рассматривая лексику литературного языка и территориальных диалектов (Шаброва 2002).

Настоящим откровением для человека, знакомящегося с русским языком, русской народной культурой, могут оказаться целые группы родственных слов из русских народных говоров. Так, слово *дорога* в русском языке является исходным для самых различных производных, вне зависимости от их отнесенности к литературному языку или к различным говорам, даже принимая во внимание и то обстоятельство, что последние могут территориально никак не взаимодействовать. Существенно, что среди них есть немало слов, достаточно любопытных по семантике: *надорожить* 'Покрывать снегом, сделать (путь) годным для езды на санях'. *Глядь как надорожило, что те зима*. Пск., Осташк. Твер., 1855; *надорожье* 'В религиозных обрядах – благословение в дорогу'. Пск., Осташк. Твер., 1855; *надорожничать* 'Заниматься грабежом на дороге'. Охан. Перм., 1854 (Словарь русских народных говоров 1965

– 2013:246). *Подорожная* ‘Документ на право пользования почтовыми лошадьми, проездное свидетельство’. – *На одной из этих скверных донских станций собралась огромная толпа проезжающих. Куча всяких подорожных лежала на столе, а лошадей никому не давали.* Данил. Беглые в Новороссии (Словарь современного русского языка 1950 – 1965: 517). Последнее слово, безусловно, уже является историзмом. Следует подчеркнуть, что все возможные случаи словообразовательного синтеза корневой морфемы *дорог-* и различных аффиксов могут и должны рассматриваться как единое деривационное поле. Только так мы можем увидеть и оценить по достоинству семантический потенциал русского словообразования.

Среди диалектных слов есть и примеры расширения когнитивного пространства русского языка, слова, которые способны удивить и носителя русской культуры. Ср.: *Застекольница* ‘Девушка-невеста, которую держат «за стеклами», т. е. не разрешают ей выполнять работы вне дома (стирать белье на реке, носить воду и т. п.)’. Нижегород., 1860 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 59).

Спальщик 2. ‘Жених, избранный без согласия родителей’. *Отворяй, мама, ворота — Я с гуляница иду; Стели мягкую постелю: Себе спальщика веду* (частушка). Пск., 1896. Пск., Костром.

Спальщица 2. ‘Женск. к спальщик (во 2-м знач.)’. Даль. Пск. Пск., 1896. Пск., Костром. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 109).

В русском языке есть сравнительно небольшое количество глаголов, представляющих словообразовательное значение ‘Превзойти кого-либо в чем-либо’. Например: *перепеть* ‘Превзойти в пении’, *переплясать* ‘Превзойти в пляске, танцевать лучше всех’, *переиграть* ‘Превзойти в игре’. В русских народных говорах отмечен совершенно удивительный глагол *выбелобородить* ‘Превзойти всех белизной бороды’. *Этот мужик всех выбелобородит.* Арх., 1954. *Надобно вынести кринку свежего молока перед белобородого мужика, всех перебелобородит и выбелобородит.* Арх. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 245). Помимо достаточно любопытного значения, следует обратить внимание и на способ образования данного слова: сложение в сочетании с префиксацией и суффиксацией.

Нельзя не отметить и своеобразие морфонологии некоторых производных в языке говоров, где, к примеру, встречаются и случаи достаточно интересной контаминации (междусловного наложения). Ср.:

Мозголовить (*мозг + голова*) ‘1. *Ломать голову* над решением вопроса, *обдумывать*, взвешивать обстоятельства дела’. *Тут вовсе нечего мозголовить – расчет виден.* Обоян. Курск., 1859. 2. ‘*Дурачить, морочить голову; говорить пустяки; умничать*’. Тул., 1858. Кубан. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 206).

Прозеворонить (*прозевать + проворонить*). ‘*Прозевать, упустить*’ *Что, прозеворонил лошадь?* Вят., 1907. *Прозеворонишь утенков, дак домой не являйся.* Киров (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 140).

Хорошо известно, что традиционно выделяемые подсистемы русского языка могут обладать различным деривационным потенциалом и в процессе его исторического развития способны взаимно дополнять друг друга. Так, нерегулярность того или иного суффикса либо отсутствие производных от той или иной производящей единицы в системе русского литературного языка могут быть в некотором смысле «компенсированы» в русской диалектной речи (или точнее в том, что являлось

ее атрибутом в определенный исторический период времени на определенной территории).

И, напротив, при многообразии членов словообразовательного гнезда в литературном языке в русских народных говорах могут обнаруживаться слова, представляющие «позиции», семантически отсутствующие в системе русского литературного языка. Ср., например:

- *Надворяниться* ‘Пожить, как дворянин – в роскоши и почете’.
- *Наспасибать* ‘Сказать много раз «спасибо»’.
- *Оглазовать* ‘Определить на (глаз) взгляд’.
- *Одевиться* ‘Засидеться в девушках (долго не выходить замуж)’.
- *Обдетиться* ‘Обзавестись детьми (обычно в большом количестве)’ (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 23).
- Не следует забывать и о том, что русское диалектное слово может быть отражением не только особенностей материальной и духовной культуры, но и характеризоваться своеобразием в восприятии и оценке внутреннего мира простого русского человека. Ср.:
- *Доброумие* ‘Хорошее расположение духа’. *Я дарю тебе, сестрица свет родимая, на доброумие опояску новгородскую*. Север., Барсов. Олон.
- *Доброумиться* ‘1. Принимать разумные, дельные советы и следовать им’. 2. ‘Быть в добром, хорошем расположении духа, быть веселым, не хандрить и не брюзжать’. Арх., 1847. 3. ‘Прислушиваться’. *Доброумились победы мы головушки, Как орел да будто в саде воспеваает*. Север., Барсов (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 79).
- *Серёжник* ‘Мастер по изготовлению серег, сережек’.
- *Серёжница* ‘Охотница до серег, шеголиха’. Даль (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 211).
- *Вековушка* ‘Старая дева’. Волог., курск., перм. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 102).

Внутренняя форма словообразовательно мотивированных русских диалектных слов, структурно-семантические особенности формируемых ими фрагментов лексико-словообразовательных гнезд могут послужить благодатным материалом для расширения и углубления на определенном этапе практической составляющей методики преподавания русского языка как иностранного. При этом заслуживают внимания как отдельные единицы, так и целые совокупности единиц, имеющих общий корневой элемент. Рассмотрим фрагмент гнезда такого семантически емкого слова, как *барин* 1. ‘Дворянин, помещик в царской России’. *Несколько лет тому назад, в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров* (Пушкин. Дубровский). 2. ‘Лицо, принадлежавшее к привилегированным (чиновным, аристократическим) слоям общества дореволюционной России’. *Муров разбогател, стал большим барином, важным лицом в губернии* (А.Островский. Без вины виноватые). 3. ‘Хозяин, господин по отношению к прислуге в дореволюционной России’ *Матвей уже держал...рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина* (Л.Толстой. Анна Каренина). 4. Разг. ‘О человеке, который

уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других *'Батманов разочаровал Алексея. Уж очень был параден... – Наверно, позер и барин, – невесело подумал Алексей (Ажаев. Далеко от Москвы) (Евгеньева 1981 – 1984: 62)*. Среди собственно диалектных слов можно отметить следующие:

- *Полубарин* 'Помещик, имевший земельные владения без крестьян'. Волог., Грязов. Волог., 1896.
- *Полубариться* 'Стараться походить на барина (по одежде, привычкам, обращению)'. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- 2. *Полубарок* 'Разбогатевший человек низкого сословия'. Пск., Осташк. Твер., 1855.
- *Полубарыня* 'Женщина низкого сословия, которая стала барыней и важничает'. Краснояр. Енис., 1904.
- *Полубарье* '1. Незаконнорожденный ребенок помещика или помещицы'. Пошех. Яросл., 1849. 2. 'Человек низкого сословия, который усвоил привычки барина и важничает'. *Яшь, какое полубарье, и разговаривать с нами не хочет*. Весьегон. Твер., 1936 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 136).
- Семантика корня *пол-* достаточно активно участвует в создании целого ряда порой семантически непредсказуемых диалектных слов. Ср.:
- *Полсына* 'О сыне, который не может быть кормильцем родителей'. *Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына — сын. Первый сын богу, второй царю, третий себе на пропитание*. Даль, Пословицы. Нижнеуд. Иркут., 1915. Костром.
- *Полужинник* 'Охотник на соболя, получивший аванс от хозяина, которому он отдает половину своей добычи (*ужины*)'. Вост.Сиб., Архив АН.
- *Полусветок* 'Одноглазый человек'. Нижегород., Даль.
- *Полупокойник* 'Человек, который после соборования оставался живым'. Тулун. Иркут., 1918.
- *Полуконь* 'Рыбак в артели, лошадь которого работала на зимнем лове через день'. Волхов и Ильмень, Шамахов. *Я боле полуконем был в артели. При дележе улова коневщик получал пай, а полуконь – полная*. Новг. *Ловить полуконём, по полуконю. Ты с кем, Иван, будешь ловить полуконем?* Волхов и Ильмень, Шамахов.
- *Полукормщик* 'Помощник кормщика – управляющего судном, старшего в рыболовецкой артели (его доля добычи вдвое меньше, чем кормщика)'. Арх., Кем. Арх., 1867– 1868. Арх.
- *Полуречь* 'Намеки, недомолвки'. *Начисто сказывай: да ильнет? А то все полуречь ведешь*. Шенк. Арх., Тихв. Новг., 1852. Север., Свердлов.
- *Полуручь* 'О человеке, у которого все валится из рук'. *Ну ты и полуручь!* Судислав. Костром., 1980 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 161).

Диалектное словообразование, как известно, характеризует большая, нежели в системе литературного языка, свобода в преодолении различных морфонологических преград и, соответственно, более широкий диапазон комбинаторики самих морфем.

Все это находит свое подтверждение в расширении деривационного потенциала и некоторых способов словообразования. В частности, обращает на себя внимание наличие большого числа словосложений. Причем частотными могут оказаться оба компонента сложного слова. Так, слово *полуручье* было рассмотрено выше в ряду сложений с компонентом *пол-*. Однако, в силу известных причин, в русских народных говорах немало производных единиц-словосложений и с компонентом *рук- /руч-*. Ср.:

- *Голручи*, мн. ‘Голые руки без рукавиц’. Кем. Арх., 1910.
- *Голоручьем*, нареч. ‘Без рукавиц, голыми руками (делать что-либо)’. Брать что-либо *голоручьем*. Даль [без указ. места]. *Скота ли убираешь, на реке ли рубахи полощешь, все голоручьем*. Нижнеуд. Иркут., 1912. *Рукавиц нету, голоручью работаю*. Арх., 1932.
- *Голоручь*, нареч. ‘Без рукавиц, с голыми руками’. *Голоручь ехать холодно*. Смол.Смол..Добровольский.
- *Голоруком*, нареч. 1. ‘Голыми руками, с голыми руками, без рукавиц’. *Брать что-либо голоруком*. Даль [без указ. места]. *Голоруком не берись – обожжешься. Шла зимой голоруком. Голоруком – значит без рукавиц*. Свердл. Верхне-Уфал. Челябин. ‘Без рукавиц и босиком’. Усть-Цилем. Арх., 1940. 2. ‘Голыми руками, без оружия’. Охан. Перм., 1930 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 325).

В двух последних значениях слова *голоруком* обращают на себя внимание своеобразные дополнения в составе дефиниций (*босиком, без оружия*).

Как несложно заметить, частотным является и компонент *гол-* (*голый*). Ср., к примеру: *Голоногом*, нареч. ‘Босиком’. Соликам. Перм., 1930. *Голоногом ходят те, кто не имеет обуви из-за бедности*. Режев. Свердл. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 324).

Среди диалектных единиц-словосложений можно также выделить многочисленную группу номинаций с компонентом *скоро-*. Ср.:

- *Скоробогат* ‘Быстро разбогатевший человек’. Даль. Вят., 1892.
- *Скородел* ‘1. Тот, кто быстро выполняет какую-либо работу. Ярослав., 1990. 2. Тот, кто небрежно выполняет какую-либо работу’. Брейтов. Ярослав., 1990.
- *Скородум* ‘Решительный, бойкий, умный человек’. Даль.
- *Скородумко* ‘Догадливый, смысленый человек’. Шенк. Арх., 1885. || *Остроумный человек; остряк*. Шенк. Арх., 1852.
- *Скородумы*, мн. ‘Выпеченные изделия (пирожки, лепешки), испеченные на скорую руку, на сковороде’. Ветл. Костром., 1911.
- *Скорохват* ‘1. Ловкий, проворный человек’. Слов. Акад. 1847.
- *Скорокип*. *Горшок-скорокип* ‘Быстро нагревающийся горшок’. Даль.
- *Скородам* ‘Поселенец, быстро построивший свой дом’. Даль.
- *Скорожарка* ‘Жаркое из мелких кусочков мяса с картофелем’. *Дорога-то длинная, скорожарка скорейше будет, чем другая еда*. Забайкалье, 1980.
- *Скорожир* ‘То же, что *скоробогат*’. Даль.

- *Скоролуп* ‘Тот, кто быстро ест’. Даль.
- *Скоролыт* ‘Быстро бегающий, ходящий человек’. Даль (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 99).

В русском литературном языке есть хорошо известный глагол *опростоволоситься* ‘Разг. Допустив какую-либо оплошность, промах, оказаться в невыгодном, неприятном, смешном и т.п. положении’. [Инноцентиев]: Так вы не знали этого родства? Значит, я проговорился перед вами! Эх! Как же это я опростоволосился! Чернышевский, *Мастерица варить кашу*. (Евгеньева 1981 – 1984: 632). В русских народных говорах можно обнаружить небольшой фрагмент словообразовательного гнезда, репрезентирующий подобные отношения. Ср.:

- *Раскосматка* ‘О женщине с непокрытой головой, без головного убора’. Заметчин Пенз., 1945.
- *Раскосматенный* ‘Взломаченный, раскосмаченный’. Уральск, 1959. *У него так и раскосматены, разбрьлены всегда косы-ти*. Урал.
- *Раскосматить* ‘Сорвать с головы (женщины) головной убор с целью опозорить ее’. «Это самое большое бесчестье, какое только может быть в быту крестьян». Бурнашев О. «Раскосматить бабу» Даль, Сиб., 1968(Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 134).

Существенно, что в говорах, в отличие от системы литературного языка, обнаруживается и глагол (*раскосматить*), представляющий когнитивно значимое значение, соответствующее вполне определенной поведенческой ситуации.

Представляющие очень интересный с ономасиологической точки зрения пласт лексики, диалектные слова в сопоставлении со словами литературного языка могут быть интересны как по своеобразной комбинаторике морфем, так и по особенностям семантики, мотивированной их строением. В диалектном словообразовании просматриваются два своеобразных «семантических полюса». С одной стороны, это невероятная детализация, дифференциация известных реалий окружающего мира. Ср., например, в наименованиях особенностей рельефа местности (болот, низин, возвышенностей и пр.). С другой стороны, это примеры, мы бы сказали, удивительных обобщений, когда производное слово может обозначать все, что угодно, естественно как-то связанное с мотивирующим ономасиологическим признаком. Законы создания номинаций в русском литературном языке и в народных говорах одни и те же: все-таки речь идет о едином с точки зрения деривационных возможностей языке, о равном проявлении языкотворческих способностей у его носителей. Поэтому не могут не заинтересовать слова, получившие свою лексикографическую оценку и в Словаре русских народных говоров и в Словаре современного русского литературного языка. Рассмотрим следующее слово.

Межеумок 1. ‘О чем-либо средней величины; размера’: а) О гвозде. Черепов. Новг., 1910; б) О головном платке. *Наткала девкаплатков межеумков*. Арх., 1952; в) О деревянной ложке. Семен. Нижегород., 1852. Сорт круглой большой деревянной ложки с толстым точеным черенком и широкой лопастью. «Межеумок делался трех размеров: крупный – вмещает 5 – 6 обыкновенных столовых ложек; средний – до

4 столовых ложек; мелкий – около 3 столовых ложек». Семен. Горьк., Ухмылина [с пометой «устар.»]; г) О сетной ткани или сети с ячейками, размером в 3 – 5 см. Сиб., 1842. *Межеумок – средняя рыба добывается*. Том. Иркут., Беломор. Кусок сети длиной 14 м и шириной 30 ячеек размером по 3 – 5 см каждая. Касп. море, Нижняя Волга, 1968. Мережа из сети с ячейками средней величины. Тобол., 1911. Невод с небольшими ячейками; д) О сетке из тонкого волоса с отверстиями средней величины, идущей на изготовление сит. Шуйск. Влад., 1883; е) О тесе или другом строительном материале средней толщины. Перм., 1852. Углич. Яросл.; ж) О топоре с лезвием средней ширины. Перм., 1848. Сиб. О топоре с узким лезвием. Иркут., 1817. Сиб., Камч.; з) О сапоге для подростка. Сарап. Вят., 1927; и) О рыбе. Арх., 1852. *Межеумок побольше нюра* [мелкой щуки]. Гарин., Свердл.; к) О полупалубном речном судне, разновидности ладьи, барки. На Каме, 1843. Волж., Яросл., Байкал. Слов. Акад. 1957 [с пометой «обл.»]; л) О капкане на рысь. *Нельзя межеумок на медведя-то ставить, легок он, медведь-то его разломает*. Кувшин. Свердл., 1971.2. Ветер *межеумок*. 'Ветер, дующий со стороны одного из промежуточных румбов'. Колым. Якут., 1901.3. 'Икра или рыба среднего посола'. Нижегород., 1860.4. 'О чем-либо среднего качества'. Обоян. Курск., 1858. – *Каковы дрова-то сплавил он? – Да межеумок же'* Соликам. Перм.5. 'Разновидность сохи'. «Целину орали межеумком; различались сохажякотна и соха межеумок». Иван., Левин, 1948. 6. 'Дорожка между грядами в огороде'. *Пройди в огороде по межеумку, не затопчи гряды*, Моск., 1968. 7. 'О простоватом человеке, простаке'. Пск., 1855. Екатеринбург. Перм., Курган. 8. 'О непостоянном в словах, высказываниях человеке'. *Межеумка этого не слушайте*. Вытегор. Олон., 1896. 9. 'Нечистокровное животное, помесь'. *Это не соболь и не куница, а какой-то межеумок*. Устюж. Волог., 1847. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 85 – 86).

Слова подобного типа поражают не только «разбросом» значений, но и своеобразием «степени обобщенности семантики» (о чем-либо средней величины, размера) и применимостью данной номинации к разным денотатам (о гвозде, о головном платке, о деревянной ложке, о сетной ткани, о строительном материале и мн. др.). Известно, что производные слова в говорах могут отличаться по степени идиоматичности своей семантики. В рассматриваемом случае есть обусловленная строением внутренняя форма диалектного слова (упрощая: *-умок-* – результат деятельности человеческого ума + *меж(е)-* – средний (размер, величина)). И есть денотаты (объекты, реалии), к которым «приклеен» данный «ярлык». Это в большей степени напоминает этикетку, уже упомянутый ярлык, поскольку «дистанция» между словом производным (его лексическим значением) и словом производящим значительна и «отношения» изначально вряд ли предсказуемы (сравним: *подоконник – окно*).

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что это слово приводится и в Словаре современного русского литературного языка: *Межеумок* '1. Разг. То, что не может быть отнесено к какому-либо разряду, сорту'. Интересны иллюстрации из художественной литературы: В то время еще почти никто не ходил там во фраке, а потому Евстафий и придумал себе какой-то наряд средний, также *межеумок*: ни сюртук, ни чекмень, ни венгерку. Даль, Четыре брака. – Самым отталкивающим в этом насекомом [сверчке] мне показалось то, что оно – не таракан и не саранча, а какой-то *межеумок*. Федин, Необычн. лето. О человеке. Старый боярин отпустил

сына своего в Венский университет., Евстафий воротился каким-то *межеумком*, – от своих отстал, к чужим не пристал, путному не научился, а с пути сбился. Даль, Четыре брака. // Спец. ‘О животных и растениях, совмещающих черты двух пород, сортов’. Лен-*межеумок*, или промежуточный лен... 2. Перен. Простореч. ‘О посредственном, недалеком человеке, обычно не имеющем каких-либо определенных положительных свойств, качеств’. Чтобы найти какую-нибудь одну определенную черту Лунина, можно сказать, что по жизни это был полуманьяк человек, а по характеру – *межеумок*. Карон. Снизу вверх. 3. Обл. ‘Полупалубное речное грузовое судно прочной конструкции’ (Словарь современного русского языка 1950 – 1960: 788 – 789).

Одной из очень продуктивных форм усвоения того или иного языка является *моделирование* словообразовательного гнезда, так как это не только установление существующих словообразовательных связей, «заполнение» соответствующих типовым словообразовательным значениям «мест», но и (вольное или невольное) обнаружение таких единиц, которые не зафиксированы в традиционной лексикографии. Они реально когда-то находили отражение в народной речи и, что уже никого не удивит, могут обнаружиться в интернет-пространстве современного русского языка. Анализ целого ряда единиц, по нашему мнению, вполне разумно осуществлять в границах фрагментов словообразовательных гнезд синтезированного типа, в которых совмещены слова литературного языка и диалектные, что, безусловно, позволит более точно оценить деривационный потенциал системы словообразования в целом (Никитевич 2012). Рассмотрение значительных по объему деривационных фрагментов показывает, что диалектное словообразование восполняет нереализованные возможности, если не формальные, то семантические словообразовательной системы литературного языка. Это, в частности, может выражаться в «расширении» словообразовательных парадигм и в организации дополнительных словообразовательных цепочек. Рассмотрим следующий, очень показательный, на наш взгляд, пример.

Как известно, в России среди самых различных видов рыбалки особым национальным своеобразием отличается рыбалка зимняя, когда реки и озера покрыты льдом. Для того чтобы ловить рыбу зимой необходимо освободить какую-то часть водной поверхности ото льда, пробить лед. И для этого у рыбака есть специальное орудие, для которого в русском литературном языке есть особое слово *пешня* ‘Тяжелый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда’. В словообразовательном словаре русского литературного языка, помимо хорошо известных слов *пеший* и *пешеход*, в гнезде слова *пешня* имеется лишь одно производное – прилагательное *пешневой*. А в русских народных говорах – это достаточно многочисленная группа родственных слов! Сравните:

- *Пёшенец* ‘Большой кусок льда, отколотый пешней’. Тихв. Новг.,1852. Новг.
- *Пёшать* ‘Прорубать прорубь пешней’. Олон.,1846. Медвежьегор. КАССР.
- *Древняя пешня*, лед *пешали*. Арх.
- *Пёшанье* ‘Действие по знач. глаг. Пешать’. Беломор.
- *Пёшедь* ‘Лом для пробивания проруби; пешня’. Вят.,1858.
- *Пёшальник* ‘2. В рыболовной артели – работник, прорубающий пешней проруби’. Галич. Костром.,1914.

- *Пéшень* ‘То же, что *пешедь*’. Кем. Арх., 1910. Пск.
- *Пéшалыцик* ‘Человек, который прорубает прорубь пешней’. Сев.-Зап., 1974.
- *Пéшить* ‘1. Прорубать пешней (прорубь)’. Кем. Арх., 1910.
- *Пéшивать* ‘Пробивать пешней (прорубь)’. *Прорубки не пешивать* (частушка). Лодейноп. Ленингр.
- *Пéшкать* ‘Долбить лед пешней’. *По зимам лед пешкаем да водушку с реки и берем*. Пудож. КАССР, 1970.
- *Пéшник* ‘1. Лом для пробивания льда; пешня. Порх., Пск. 1855. 2. Работник в рыболовной артели, пробивающий лед пешней’. Урал., 1976.
- *Пешнить* ‘Пробивать лед пешней’. Зырян. Том., 1964. Кто же на него *пешнитьбудет?* Забайкал.
- *Пешнять* ‘Пробивать пешней проруби при подледном лове’. Арх., 1910 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 15).

Как и в других случаях, поражает семантический потенциал диалектного слова. Сравните «разброс» значений в рамках омонимичных единиц.

1. *Пешня* ‘Лом для колки дров’. Прионеж. КАССР, 1966.
2. *Пешня* ‘Вбитый в прибрежный лед; железный лом, за который крепится род гарпуна, используемого при моржовом и белужьем промысле’. Арх., 1885.
3. *Пешня* ‘Вбитый в землю кол, за который крепится канат при причаливании судна, плота’. Волж., 1902.
4. *Пешня* ‘Род долота с длинной рукояткой для долбления ульев, желобов, глубоких пазов и т. д.’ Клыковский, 1856. Севск. Орл., Преображенский, 1914.
5. *Пешня* ‘Большая игла’. Кабан. Бурят. АССР, 1960.
6. *Пешня* ‘Хоботок, жало насекомого’. *Пешня-то у него не така, как у комара: тот тихонько водит, а паут как вдарит!* Кыштов. Новосиб., 1969.
7. *Пешня* ‘Ручная трамбовка’. *Пешней землю трамбуют*. Моск., 1969.

Как было уже отмечено выше, в составе фрагментов некоторых диалектных словообразовательных гнезд обязательно находятся единицы, которые восполняют семантическую и словообразовательную «недостаточность» словаря литературного языка. К примеру, в говорах есть ряд производных от слова *дождь*, которые, безусловно, востребованы семантической системой любого языка. Сравните: *дождина* ‘Дождевая капля’. *Дождина на руку упала*. Покр. Влад., 1910. *Дождинья, мн.* ‘Капли дождя’. Петрозав. Олон., 1885 – 1898. *Дожджовье, ср.* ‘Затяжной дождь, на несколько дней’. *Дожджа така была, страсть! Дожджовье все*. Верхне-Тоем. Арх., 1963—1965. Небезынтересны и другие производные: *дождевик* 1. ‘Ироническое название маленького толстого человека, в особенности толстого мальчика’. Самара, 1854. 2. ‘Бульжный камень с мостовой’. Кандышева [без указ. места]. *Дождевики, мн.* ‘Род слепней’. Дон., 1884. *Дождёвины, мн.* ‘Обряд, состоящий в том, что во время засухи «собирается компания и обливает водою всех встречаемых людей»’. Дмитров. Орл., Добровольский, 1905. *Дождевиться*, ‘Идет дождь’. Слобод. Вят., 1897. *Дождяник, а, м.* ‘Земляной дождевой червь’. «Он в ломотных болезнях

употребляется целительно в виде масла, принимаемого внутрь». Бурнашев [без указ, места]. Даль (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 92).

Другой пример. В словаре А. Н. Тихонова отмечен целый ряд производных, мотивационно связанных с глаголом *славить* или существительным *слава*: *славить(ся)*, *бесславить*, *обесславить(ся)*, *восславить*, *ославить(ся)*, *прославить(ся)*, *расславить(ся)* (Тихонов 1985: 118]. Однако ни одна из приведенных единиц не соответствует по значению диалектному *выславиться* ‘Рассказать или пропеть о своих подвигах’. «Выславляться было в обычае перед боем». *Приехало девять братцев, в поле поединчиков; аще-ездят тот наперед да другой наперед; тому-то надо выславиться, да другому надо выславиться*. Олон., Рыбников, 1861 (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 23).

Заслуживает внимания то обстоятельство, что, в отличие от словообразовательной недостаточности (явления хорошо известного и компенсируемого с помощью средств различных уровней), в ряде случаев диалектное словообразование «производит» единицы, отсутствующие в литературном языке при наличии достаточно богатых с точки зрения количества единиц гнезд. Ср. богатое на производные единицы словообразовательное гнездо слова *верх* и диалектные слова *вывершек* ‘начало оврага’, *отвершек* ‘отрог оврага’.

На первый взгляд, диалектное словообразование весьма произвольно «подбирает» «свободные» от выполнения каких-либо функций в литературном языке формы и приравнивает их к выражению требуемого смысла. При этом можно говорить даже о некоторой словообразовательной избыточности. Ср.: *бездонник*, *бездонница* и *бездонье* ‘топкое, непроходимое болото’. Однако восхищает избирательность (и далеко не произвольность), с какой появляются внешне обычные слова в диалектах, «не совпадая» с достаточно близкими по форме словами литературного языка. Ср.: в Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова: *донце*, *донышко*, *донушко*, *донник*, *бездонный*, *недонный*, *одонье*, *поддон*, *поддонок* и др. (Тихонов 1985: 301).

Есть много деталей окружающего мира, которые хорошо известны рядовому носителю языка. И для большинства из них в языке отсутствуют отдельные названия. Они нам не нужны... (или нужны?!), не понадобились и т.д. Но в языке того или иного говора (пусть по внутреннему, ограниченному небольшой территорией, соглашению) обнаруживается «означивание» вполне конкретных деталей, например, пространства, предметов, их составных частей... И мы вдруг обнаруживаем, что эта «маркировка» средствами языка в определенных ситуациях чрезвычайно важна и просто необходима с учетом познания деривационного потенциала русского языка, его возможностей. Ср.: *Скусок* ‘3. След от зубов (зайца, лося) на ветвях деревьев’. *Скуски у зайца и лося различны: у зайца косой, у лося: или прямой, или есть заломок*. Никол. Волог., 1860. (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 196). Данное слово «вписывается» по словообразовательной семантике в схему известного литературному языку словообразовательного типа (ср.: *слепок* как «результат действия»). В Словообразовательном словаре А.Н.Тихонова есть глагол *скусить*. Но слово *скусок* отсутствует в литературном языке и специфично (когнитивно значимо!) по своей лексической семантике.

В огромном количестве как единичных, так и групп родственных слов, можно обнаружить интереснейшие взаимосвязи семантики со строением. Сравните:

- *Гололиственница* ‘Время листопада’.
- *Долгоспан* (лицо) ‘О том, кто долго спит, поздно встает’.
- *Красовар* ‘Мастер, умеющий готовить (варить) краски’.
- *Каплюжник* (от *капля*) ‘Человек, который ходит по дворам, кабакам, выпрашивая рюмку водки или сливая остатки водки из пустой посуды; горький *пьяница*’; *каплюжничать* ‘Собирать вино по каплям, сливая остатки из пустой посуды, и напиваться этим’.
- *Надвечерить* ‘Есть что-либо, закусывать перед ужином’
- *Надвечер* ‘Под вечер, в сумерки’
- *Надвечерок* ‘Предвечернее время; время сразу после захода солнца, сумерки’
- *Надвечерью* ‘В предвечернее время’
- *Насёстра* ‘Двоюродная сестра’
- *Батькишна* ‘Самая любимая дочь отца’
- *Пивомёдие* ‘Вид хмельного напитка на Руси’
- *Гвоздарь* ‘В свадебном обряде – тот, кто заведует пивом и вином на свадьбе. Свадебный чин, ведающий бочонком с пивом; вынимая гвоздь из бочонка, он нацеживает пиво’.
- *Подтолкач* ‘Продавец в питейном заведении, который по обычаю *подталкивает пьющих под руку*, чтобы выплеснулось вино (в его пользу)’.

Благодаря большей «мобильности» диалектного словообразования можно отметить немало неизвестных литературному языку глаголов, соответствующих достаточно регулярным для словообразовательной системы русского языка значениям. Например:

- *Пересердиться* ‘Перестать сердиться’
- *Перехилить* ‘Перестать быть хилым’ (ср.: *хилеть* ‘становиться хилым’)
- *Перечасить* ‘Подождать часок; пробыть где-либо час’
- *Поручкаться* ‘Поздороваться за руку’ (Словарь русских народных говоров 1965 – 2013: 107).

Таким образом, при исследовании деривационного потенциала русского языка особое место могут занимать слова, представляющие русские народные говоры. При сопоставлении собственно диалектных слов со словами литературного языка особый интерес представляет анализ особенностей диалектной сочетаемости общезыковых корней. Русская материальная и духовная народная культура неизбежно нашла свое отражение во внутренней форме русского диалектного слова. И не следует лишней раз повторять, что в процессе исследования и преподавания русского языка существенен и аспект культурологический, так как непосредственно через язык происходит знакомство с культурой народа, отношением его носителей к миру, оценкой тех или иных явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АПРЕСЯН, Ю.Д. (1986): «Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира», Семиотика и информатика. Москва, с. 5 – 33.
- ВЕНДИНА, Т.И. (1998): Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). Москва.
- ЕВГЕНЬЕВА, А.П. (1981 – 1984): Словарь русского языка. Академия наук СССР, Ин-т русского языка. Москва.
- МИЛОСЛАВСКИЙ, И.Г. (2010): «Роль словообразования в расширении когнитивного пространства русского языка, в Відображення історії та культури народу в словотворенні», Доповіді учасників XII Міжнародної наукової конференції Комісії зі слов'янського словотворення при Міжнародному комітеті славистів. Київ, с.176 – 180.
- НИКИТЕВИЧ, А.В. (2012): «Деривационные объединения в составе диалектных подсистем близкородственных языков», Творба речи и њени ресурси у словенским језицима: Зборник радова са четрнаесте међународне научне конференције Комисије за творбу речи при Међународном комитету слависта, с. 235 – 243.
- НИКИТЕВИЧ, А. В. (2014): Деривация и смысл. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. Гродно.
- Словарь русских народных говоров (1965 – 2013). Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. Москва – Санкт-Петербург.
- Словарь современного русского литературного языка (1950 – 1965). Академия наук СССР, Институт русского языка. Москва.
- ТИХОНОВ, А.Н. (1985): Словообразовательный словарь. Москва.
- ШАБРОВА, Е.Н. (2002): Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу. Санкт-Петербург, Вологда.

BIBLIOGRAPHY

- APRESYAN, U.D. (1986): «Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira», Semiotika i informatika. Moskva, s. 5 – 33.
- EVGEN'EVA, A.P. (1981 – 1984): Slovar' russkogo jazyka. Akademija nauk SSSR, In-t russkogo jazyka. Moskva.
- NIKITEVICH, A.V. (2012): «Derivacionnye ob#edinenija v sostave dialektnyh podsystem blizkorodstvennyh jazykov», Tvorba rechi i њeni resursi u slovenskim jezicima: Zbornik radova sa chetnaeste meђunardne nauchne konferencije Komisije za tvorbu rechi pri Meђunardnom komitetu slavista, s. 235 – 243.
- MILOSLAVSKIJ, I.G. (2010): «Rol' slovoobrazovaniya v rasshirenii kognitivnogo prostranstva russkogo jazyka, v Vidobrazhennya istorii ta kul'turi narodu v slovotvorenni», Dopovidi uchasnikov III Mizhnarodnoј navukovoј konferencii Komisii zi slov'yans'kogo slovotvorennya pri Mizhnarodnomu komiteti slavistiv. Kiiv, s.176 – 180.
- NIKITEVICH, A. V. (2014): Derivacija i smysl. Grodnenskij gosudarstvennyj universitet imeni Janki Kupaly. Grodno.

- Slovar' russkih narodnyh govorov (1965 – 2013). Izd-vo Akademii nauk SSSR, Institut lingv. Issledovanij RAN. Moskva – Sankt-Peterburg.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (1950 – 1965). Akademija nauk SSSR, Institut russkogo jazyka. Moskva.
- TIKHONOV, A.N. (1985): Slovoobrazovatel'nyj slovar'. Moskva.
- SHABROVA, E.N. (2002): Dialektnoe kornevoe gnezdo: problemy i principy opisaniya: Uchebnoe posobie k speckursu. Sankt-Peterburg, Vologda.
- VENDINA, T.I. (1998): Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm). Moskva.